

Когда Сесил и Джек добежали до женской спальни, из приоткрытой двери уже доносился яростный визг Манькэ:

— Рот закрой, тварь дешёвая!

Сесил распахнул дверь и ворвался в комнату. Девушки вовсю костерили друг друга, и Манькэ уже тянулась вцепиться Монике в волосы.

Джек застыл на пороге и растерянно завопил:

— Да прекратите вы!

Сесил в несколько шагов пересёк комнату и вклинился между ними, заслоняя Моника собой. Сердито зыркнув на разъярённую Манькэ, он рывкнул:

— Остыньте обе! Вы что, забыли, как вылетели Джои и Роул?

Манькэ тяжело, прерывисто дышала. На самом деле она лишь собиралась припугнуть Моника, но то, что Сесил с ходу набросился на неё и загородил эту дрянью спиной, мгновенно вывело её из себя. Гнев окончательно ослепил её.

Ткнув дрожащим пальцем чуть ли не в нос Сесилу, Манькэ истошно закричала:

— А ты тут какого чёрта забыл?! Почему ты наезжаешь только на меня, а ей ни слова не говоришь?!

Заметив за его плечом Моника, она окончательно потеряла голову и снова рванулась вперёд, пытаясь дотянуться до золотистых локонов соперницы.

Поняв, куда дует ветер, Моника мгновенно сменила гнев на милость. С испуганным пискom «Сесил, спаси!» она вцепилась в край его футболки, и из её глаз тут же покатились слёзы.

Увидев, что дело дошло до слёз, Джек наконец отмер. Поймав красноречивый взгляд Сесила, он подскочил к Манькэ и перехватил её за локти:

— Всё-всё, хорош! Остынь!

Но ту будто заклинило. Манькэ яростно вырывалась, силясь обогнуть Сесила и вцепиться в Моника ногтями.

Сесилу едва удавалось сдерживать этот напор, одновременно успокаивая рыдающую у него за

спиной Монику.

— Тихо, Моника, успокойся, не плачь.

— Манькэ, за что ты так со мной? — запричитала Моника навзрыд. — Я же всегда к тебе со всей душой! Чем я это заслужила?

Она горько всхлипывала. Как назло, после испытания Моника переоделась в изящное белое платье, и теперь, со своими рассыпанными по плечам золотистыми локонами и заплаканным лицом, выглядела до безумия хрупкой.

Вид этой фальшивой невинности окончательно сорвал Манькэ резьбу.

— Ах ты дешёвая актриса! Строит она из себя овечку! Да я из тебя всю дурь сейчас выбью!

Манькэ рванулась вперёд с такой силой, что Сесил покачнулся и отступил на пару шагов. В ту же секунду раздался пронзительный визг, и Моника как-то неловко повалилась на пол.

Раздался глухой стук — она приложилась лбом прямо о край туалетного столика и ничком растянулась на паркете. Удар явно вышел нешуточным.

В комнате воцарилась гробовая тишина.

Сесил грубо отпихнул замершую Манькэ и бросился к лежащей девушке. Когда он осторожно приподнял её, оказалось, что из разбитого виска уже сочится кровь.

Моника содрогалась в рыданиях. Зажав ладонью рану, она всхлипнула:

— Не смотрите на меня... Не надо...

Сесил не ожидал, что банальная ссора обернётся травмой. Он с нескрываемой яростью зыркнул на притихшую Манькэ и прорычал:

— Да что с тобой не так?! Из-за какого бреда нужно было устраивать этот цирк? Она же девчонка, в конце концов!

Не дожидаясь ответа, он подхватил Монику на руки и поспешил вон из комнаты.

Джек так и остался стоять посреди спальни. Спустя минуту он выдавил:

— Офигеть можно...

Едва дверь за ними захлопнулась, весь боевой пыл Манькэ испарился. Она рухнула на кровать и завывала:

— Откуда я знала, что так выйдет?! Она сама меня доводила! Если бы эта стерва не нарывалась, я бы и пальцем её не тронула!

Джек окончательно растерялся. Он уныло топтался рядом, совершенно не представляя, какими словами можно её успокоить.

Слухи о потасовке разлетелись по вилле мгновенно.

Сибэнь, Пенни и Фан Цзюэ в это время устроились на плетёных диванчиках в саду, лениво переговариваясь.

Сибэнь поправила отросшую чёлку и задумчиво протянула:

— Что-то Сесил с Джеком долго не возвращаются. Наверху притихли все, подозрительно как-то.

Пенни, не отрывая взгляда от лежащего на коленях глянцевого журнала, сделала глоток сока через трубочку:

— Тебе-то что. Меньше знаешь — крепче спишь.

Не успела она договорить, как стеклянная дверь на террасу с грохотом распахнулась. Наружу выскочили взбудораженные Рис и Крис.

Крис буквально горела от предвкушения делёжки свежими сплетнями. Заметив компанию, она так и подпрыгнула к ним и плюхнулась на диван рядом с Сибэнь:

— Ребята, вы не представляете, что там наверху творится! Настоящее шоу!

Фан Цзюэ с любопытством взглянул на неё. Рис примостился рядышком и сразу взял быка за рога:

— Манькэ с Моникой подрались. Да так, что Сесил утащил Монику на руках к оргам! Она вся в крови!

Фан Цзюэ удивленно приподнял брови:

— Ничего себе. С чего вдруг такая жестокость?

Крис небрежно откинула волосы назад, даже не пытаясь скрыть злорадную ухмылку:

— Ой, да кто их разберёт! Когда Сесил унёс эту раненую страдальцу, Манькэ прибежала ко мне вся в слезах. Клянется, что Моника специально её вывела, строила из себя святую перед Сесилом, а потом сама картинно шмякнулась об стол!

Фан Цзюэ скептически хмыкнул. Выводы Крис явно грешили предвзятостью, поэтому он лишь неопределенно кивнул, решив поостеречься с оценками.

Сибэнь с Пенни переглянулись с самым красноречивым видом. На этом проекте лишнее слово могло запросто стоить тебе участия, так что благоразумнее было помалкивать. Наступила короткая пауза.

Наконец Сибэнь нарушила молчание, озвучив главный вопрос:

— И что теперь организаторы сделают с Манькэ? А с Моникой? Их дисквалифицируют?

Крис пожала плечами:

— Пока тишина. Тут всё от Моники зависит. На чью сторону она склонит оргов, та версия и станет официальной. Ей сейчас все карты в руки.

Пенни с хлопком закрыла журнал и ядовито фыркнула:

— Да ладно вам. Думаете, она упустит шанс избавиться от конкурентки? Свалит всё на Манькэ, глазом не моргнув. Одним соперником меньше.

Они поболтали ещё немного. На виллу медленно опускались сумерки. Летний вечер принёс с собой прохладу и тучи настырной мошкеры, так что, спасаясь от укусов, ребята решили вернуться в дом.

Едва Фан Цзюэ задвинул за собой стеклянную створку, как в гостиной раздался звонкий голос Шаньмэй:

— Вернулись! Сесил и Моника вернулись!

Обернувшись, он увидел, как пара пострадавших медленно проходит через служебный вход.

В мгновение ока вокруг них собралась толпа. Причём сочувствовать бросились даже те, кто ещё пять минут назад поливал Монику грязью. Крис первая подлетела к ней, преданно заглядывая в глаза и хватая за руки:

— Боже мой, Моника! Как же ты так неаккуратно? Мы тут места себе не находили от беспокойства!

У Моника на лбу белела свежая повязка. Лицо у неё было бледным и измученным, но она лишь слабо отмахнулась, показывая, что худшее позади.

Не желая участвовать в этом лицемерном балагане, Фан Цзюэ тихонько выскользнул из толпы и поднялся на второй этаж.

В их мужской спальне обнаружился один лишь Цинь Шаочжи.

Фан Цзюэ удивился:

— Ты всё это время тут просидел?

Тот сидел, привалившись к изголовью кровати. Смерив вошедшего загадочным взглядом, Цинь Шаочжи проигнорировал вопрос и прищурился:

— Хочешь знать, что Моника наплела продюсерам?

Фан Цзюэ подошёл к своей кровати и с интересом уставился на сожителя:

— Ну? И что же?

Ухмылка Цинь Шаочжи стала шире:

— Заявила, что сама споткнулась и упала. Мол, Манькэ тут вообще ни при чём, они просто немного повздорили.

Фан Цзюэ опешил:

— Да ладно? Быть не может.

Цинь Шаочжи, забавляясь его реакцией, негромко рассмеялся:

— Вот и я думаю: с чего бы это вдруг такое милосердие?

Фан Цзюэ задумчиво прищурился, сопоставляя факты:

— В подобных шоу соперника прощают лишь в одном случае. — Он выдержал драматическую паузу. — Если это чертовски выгодно.

Цинь Шаочжи многозначительно кивнул. Фан Цзюэ приготовился было выслушать его расклады — например, какую сделку могли повернуть эти двое или не разыграли ли они этот спектакль по взаимному согласию...

Но этот неисправимый тип, как обычно, решил всё испортить своей шутовской манерой. Подавшись вперёд, пожирая Фан Цзюэ взглядом, Цинь Шаочжи вкрадчиво спросил:

— А почему ты меня до сих пор не слил? Какую такую «выгоду» я тебе приношу?

И, издевательски ухмыляясь, он картинным жестом задрал край футболки, демонстрируя безупречный рельефный пресс.

— Неужто не устоял перед моим роскошным телом?

Фан Цзюэ поперхнулся от такой наглости. Справившись с секундным замешательством, он презрительно фыркнул:

— Скорее, мне просто стало жаль убогого. Такой ответ тебя устроит?

Цинь Шаочжи так и покатился со смеху, завалившись на спину.

А Фан Цзюэ поймал себя на мысли, что эти дурацкие шуточки уже давно перестали его раздражать.

<http://bllate.org/book/18421/1804862>